

Андрей БАРАНОВ

ДЕТСТВО НАД ВОЛЖСКИМ ОБРЫВОМ

Рассказ

Первые четыре года своей жизни я почти не помню — только отдельные неясные образы, полупрозрачные, точно сны: золотое поле пшеницы за лесополосой, убегающее до горизонта; семицветная радуга над дальним лесом, которую так хотелось потрогать руками; ночное украинское небо, полное крупных и ярких, словно отборные жемчужины, звезд. Иногда вспоминается кот Васька, потешно лакающий молоко из блюдца, помогая себе передней лапой, иногда — пес Шарик, виновато стоящий посреди двора с трепыхающейся курицей в зубах. Еще долго помнилась соседская девчонка Любтя с улыбкой во все конопатое курносое лицо, подглядывающая из-за забора. На каждый Новый год всплывают вдруг воспоминания, как мерцали новогодние игрушки в сосновой хвое моего детства и как, стоя у подножия огромного по сравнению со мной колючего темно-зеленого дерева, я представлял себя путешествующим по его смолистому стволу и разлапистым игольчатым веткам. Помнятся суматошные сборы, вдруг перевернувшие весь наш дом вверх тормашками и враз сделавшие его чужим и неуютным; горькие слезы по Ваське и Шарик; цветные сны, в которых виделась неведомая река с таинственным названием Волга, куда собиралась переезжать семья, и Волга в этих снах была такой же нестерпимо голубой, как Южный Буг, только гораздо шире, и к ней можно было сбежать с покрытого изумрудной травой косогора прямо от крыльца такого же уютного, как у нас на Украине, дома, с таким же просторным и тенистым садом, полным птиц, цветов и бабочек. Еще смутно припоминаются многолюдье и теснота плацкартного вагона, монотонный стук колес где-то под полом, золотистый свет ночника в сопящей, дышащей и покачивающейся темноте. А потом гам и сутолока огромной площади, шум поездов метро, пробегающих внизу, под пешеходным мостиком, освещенная прожекторами Спасская башня Кремля, так удивительно непохожая на свои собственные изображения в книжках и на открытках, и, наконец, тусклые фонари незнакомого города и печальный гудок тепловоза в промозглом воздухе новой родины.

Андрей Александрович Баранов родился в 1962 году в г. Виннице (Украина). Окончил УлГПИ им. И. Н. Ульянова в Ульяновске и аспирантуру при РГПУ им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге. Работал учителем русского языка и литературы в школе, преподавателем вуза, сотрудником Института повышения квалификации, руководителем методической службы в одном из крупнейших издательств по производству учебников для школ. Автор четырех поэтических книг и двух книг прозы. Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Нижегород», «Север», «Бельские просторы», «Дальний Восток», «День и ночь», «Симбирск», «Топос», «Сетевая словесность» и других. Живет в Москве.

Волга разочаровала. Она действительно несла могучие воды внизу под горой, но гора оказалась такая гигантская, что дойти до воды было нереально — так далеко меня все равно никто бы не отпустил. Расстроил цвет: он был не небесно-голубым, как представлялось в снах, а свинцово-серым, таким холодным и неудобным, что от него пробивала дрожь по всему телу даже под теплым осенним пальто. Восхитил простор — необозримое пространство, в котором сливались река, небо, обрыв, дальний берег, и это пространство было повсюду — куда ни глянь, и оно властно тянуло к себе, обдувало крепким ветром, сыпало мелким дождем из косматых туч — и от всего этого душу переполнял такой восторг, что хотелось взмахнуть руками — и полететь.

Дом, в котором мы поселились, стоял в тихом переулке, упиравшемся одним концом в не менее тихую улочку, бегущую прямо по краю волжского обрыва, а другим — в более широкую и оживленную, по которой даже изредка проезжали автомобили и где располагались клуб, магазин и детский сад — центры социальной жизни района. Улицы и переулок носили звонкие революционные названия, так противоречащие их мешанскому дореволюционному облику. Почти все строения вокруг были деревянными и одноэтажными, с резными наличниками на окнах и высокими глухими заборами со скрипучими калитками, на которых чаще всего красовалась табличка с изображением головы немецкой овчарки и строгой надписью «Осторожно, злая собака!». Дома несли в себе неповторимую индивидуальность их дореволюционных хозяев: один был ажурным и веселым с застекленной разноцветной смальтой башенкой наверху, другой — крепким и солидным с выпирающими костяшками бревен, лаконичными наличниками и глухими ставнями на окнах, третий — двухэтажный на углу — напоминал петуха, потому что первый этаж был выкрашен изумрудно-зеленой краской, второй — огненно-рыжей, а сверху все это накрывала ярко-алая крыша, напоминающая петушиный гребень, скошенный набок. Вскоре я знал в лицо все дома не только переулком, но и примыкающих улиц, а также параллельных переулков, по которым мы с соседскими пацанами любили совершать обходные маневры во время игр в войну.

Новое семейное обиталище походило на окружающие дома узорами на фронте, причелине и наличниках, но было и два существенных отличия, делавших здание неповторимым и запоминающимся: просторное, высокое крыльцо под двускатной крышей с перилами и деревянными лавками, которое выходило прямо на улицу, захватывая часть тротуара, и легкая изящная беседка на крыше, увенчанная деревянным шпилем, куда вела крутая крытая лестница из холодных сеней дома, и откуда можно было видеть весь переулок и даже открывающийся за крайними его домами необозримый волжский простор со снующими по нему баржами, теплоходами и катерами.

Все это я рассмотрел и изучил позднее, а в первые дни было не до этого — уж очень грустилось по оставленному где-то за невысказанными просторами дому и саду, по Ваське и Шарик, по соседской девчонке Любте, по золотому полю пшеницы за домом. Стояла поздняя слякотная осень, и казалось, что здесь, на Волге, это вечное состояние природы, а ультрамариновое небо, горячее солнце и неутомимый калейдоскоп бесчисленного количества цветущих растений навсегда остались в прошлой жизни.

Мир деревянных домов, со своими заборами, резными наличниками, злыми и не очень собаками, ставнями на окнах и флюгерами на крышах, не заканчивался на краю волжского обрыва. Заняв все плато крутого берега, дома не удержались на краю и покатались вниз до самого уреза воды, цепляясь по пути за любую мало-мальски ровную площадку, а чаще всего просто выравнивая неизбежную кривизну доставшегося им пространства перепадом высот: один край фундамента, обращенный к городу, мог

впритирку сливаться с землей, зато другой — обращенный к реке — выросал иногда до трех метров и превращался уже не в фундамент, а в дополнительный, каменный или кирпичный этаж — и дом в результате, начинаясь как одноэтажный, через несколько шагов вдруг становился двухэтажным. В таком доме неопределенной этажности и жил Димка Баскаков.

Промозглым октябрьским днем примерно через недельку после переезда стоял я на верхушке деревянной горки, торчавшей посередине детской площадки, примостившейся на самом краю волжского обрыва, смотрел на раскинувшуюся далеко внизу Волгу и представлял себя капитаном трехмачтового парусного фрегата: крутил воображаемый штурвал и отдавал приказы воображаемым матросам: «Свистать всех наверх!», «Поднять паруса!», «Орудия — к бою!».

Вернувшись на мгновение в реальный мир, я заметил прямо под собой мальчишку в куцем пальтеце, застегнутом на одну пуговицу, и в слишком большой для его головы кепке, которая сползала на большие, торчащие в разные стороны уши и фактически держалась на этих выдающихся ушах. Мальчишка внимательно наблюдал за мной и улыбался во весь рот, выставив напоказ щербины от выпавших недавно молочных зубов.

— Кто ж так штурвал крутит? — насмешливо сказал мальчишка. — Твой корабль давно бы перевернулся от такого крена!

— А ты-то откуда знаешь? — обиделся я.

— Оттуда! У меня отец, между прочим, рыбак! — гордо парировал пацан.

Только потом, через много лет знакомства, когда оно переросло уже в настоящую дружбу, я узнал, что на самом деле Димка рос без отца. Когда-то его отец ходил по Волге в составе рыболовецкой артели, и однажды, когда Дима еще лежал в колыбели и пялился на висящую над ним погремушку, отец не вернулся домой с путины. Тело так и не нашли, поэтому Димка, чуть повзрослев, придумал для себя историю, что на самом деле отец не погиб, а послан разведчиком в одну из враждебных стран. Это была его страшная тайна — тайна, которой он не делился ни с кем и доверил только мне под честное слово никому и никогда ее не открывать.

— Подумаешь, рыбак! — между тем не сдавался я. — А у меня — летчик!

— Зато у меня отец на войне воевал!

— А у меня, думаешь, нет? У моего даже медали есть! И ордена!

После таких слов мы посмотрели друг на друга совсем другими, не насмешливыми и колючими, а восторженными и заинтересованными глазами, как будто военная слава отцов, прилетев с политых кровью полей войны, осенила нас в это мгновение своим обожженным крылом.

— Меня Слава зовут, — сказал я, спустившись с горки и протягивая новому знакомому руку.

— Димка, — послышалось в ответ, и наши ладони крепко сцепились.

Для нас, пацанов, родившихся в начале шестидесятых, война была далекой историей, занимавшей почетное место где-то между походами Батыея и подвигом трехсот спартанцев. Нам трудно было по-настоящему понять и прочувствовать, что со времен последней войны минуло всего-то каких-то двадцать лет, что наши старшие братья и сестры родились почти сразу после Победы, когда выжившие в страшной бойне отцы вернулись домой и встретили наших мам — тогда еще совсем юных девушек, чье хрупкое очарование сохранилось теперь разве что на пожелтевших фотографиях семейных альбомов.

В считанные минуты нас сблизило военное прошлое, не наше, но так остро коснувшееся наших семей: все-таки у подавляющего большинства сверстников родители

не воевали, а были «детьми войны», хлебнувшими и голода, и холода, получавшими через одного похоронки на отцов и старших братьев, но все-таки знавшими о войне из вторых рук. А вот наши отцы воевали по-настоящему! И хотя Димка по понятным причинам не мог поговорить со своим папой, а мой не любил вспоминать о пережитом и почти никогда ничего не рассказывал, — мы оба чувствовали свою особую сопричастность великой войне, и эта сопричастность выделяла нас из массы ровесников, спланивая особым, почти фронтовым братством.

Так мы и росли с Димкой — два друга не разлей вода: на пару ходили в один детсад, потом в одну и ту же школу, выдумывали себе разные игры и развлечения, взахлеб пересказывали содержание новых фильмов и книг, слушали одну и ту же музыку, делились планами на будущее, держались спина к спине в мальчишеских драках, разойдясь по домам, скучали друг по другу, а утром, после завтрака, сразу стрелой неслись по известной только нам заветной тропинке, соревнуясь, кто быстрее добегит до дома друга — выигрывал тот, кто оказывался ближе к своей цели в момент встречи, а проигрывать не хотелось никому, поэтому чаще всего встреча происходила посередине — на той самой детской площадке, где мы впервые увиделись.

По воскресеньям и на каникулах наш переулочек неизменно наполнялся шумной детворой: высыпали из окрестных домов разновозрастные мальчишки и девчонки, и начинались коллективные игры. Обычно мальчишки и девчонки развлекались отдельно, но всегда цепко держали друг друга в поле зрения, чтобы немедленно вмешаться и поучаствовать в общей суматохе, если возникали какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства вроде драки или неосторожного падения с велосипеда.

Любимой игрой всех окрестных мальчишек была, безусловно, игра в войну. На время игры мирные переулочки превращались в поля сражений, деревья — в наблюдательные пункты, заросли акации — в тщательно замаскированные блиндажи. Игра могла продолжаться часами, обрастая дополнительными сезонными подробностями: зимой снежными крепостями и боеприпасами из снежков, а в межсезонье — бездорожьем и водными преградами, которые необходимо было форсировать по всем правилам военного искусства. Девчонки тоже иногда принимались в эту игру, но только самые отчаянные.

Зимой проезжая часть переулка превращалась в каток для хоккея, а летом — в футбольное поле или в площадку для игры в короля. Девочки осторожно чертили свои классики так, чтобы быть в недоступной для шальных мячей и бит зоне, и скакали там, как козы, смешно задирая голенастые ноги. Машин не боялись, потому что редкая машина заезжала в богоспасаемый переулочек, и каждая была событием. В таких случаях мы почтительно, но не торопясь расступались, давая транспортному средству спокойно проехать, и внимательно наблюдали: к какому же дому направится редкий гость? А когда автомобиль наконец останавливался, пацаны его немедленно обступали и принимались с видом серьезных профессионалов спорить о достоинствах и недостатках марки.

Однажды в наш переулочек въехала шикарная «Волга» с блестящим хромированным оленем на капоте. Стоял погожий майский день, из тех, когда совсем не хочется уходить с улицы. Солнце, пробив лучами клейкую листву тополей, набросило на переулочек прозрачную сеть, сплетенную из кусочков тени и света, сеть была живой, она дышала и шевелилась на асфальте, заборах, стенах домов, бережно накрывала нас с Димкой, слонявшихся по тротуару в поисках новых впечатлений, и радостно приняла под свое крыло въехавший в переулочек автомобиль. Черные шашечки на дверцах указывали на принадлежность машины к славному отряду городского такси. Жители переулка почти не пользовались услугами данного вида транспорта из-за его дороговизны,

поэтому внутри явно находились незнакомцы — и это обещало захватывающее приключение. Такси проехало несколько метров за поворот и остановилось у дверей дома-петуха. Мы не торопясь приблизились к автомобилю и встали чуть в стороне, делая вид, что нас совсем не интересуют пассажиры.

Первым из автомобиля вышел невысокий полный мужчина в очках. Он со вкусом потянулся, расправляя затекшие от долгого сидения конечности, и затем распахнул заднюю дверцу, выпуская наружу женщину в летнем цветастом платье с яркой помадой на губах. Женщина помогла выбраться из такси еще одной пассажирке — худенькой тонконогой девочке, на вид нашей ровеснице, а нам тогда было лет по четырнадцать — мы только-только окончили седьмой класс. Мы, разумеется, сделали вид, что не обращаем на девочку никакого внимания, хотя то и дело бросали в ее сторону быстрые оценивающие взгляды. Что-то в этой девочке резко отличало ее от всех девчонок нашего переуллка. Вроде в ней не было ничего особенного: белобрысые до плеч волосы, косая челка на лбу, остренький носик уточкой, клетчатая плиссированная юбочка, жилетка в такую же крупную разноцветную клетку с выглядывающей из-под нее белой накрахмаленной сорочкой — девчонка как девчонка, — но при этом какая-то совершенно другая! В чем выразалось эта инаковость? Во взгляде больших глаз цвета майской листвы? В загадочной полуулыбке? В чем-то неуловимом, проскальзывающем в мимике и жестах? В тот день мы, даже если бы захотели, не смогли бы четко это сформулировать, да и не собирались этого делать — мы просто стояли и смотрели на неведомое и не виданное никогда в нашей прежней жизни существо, занесенное попутным ветром в нашу тихую гавань.

Водитель открыл багажник, достал оттуда два больших чемодана и еще какие-то сумки, поставил все это на обочину, вернулся на водительское место, и через минуту о стоявшей только что здесь машине напоминали лишь легкий запах бензина да покачивающаяся ветка сирени, задетая автомобильной антенной. Из дома навстречу приехавшим вышла сухонькая пожилая дама, закутанная, несмотря на теплый майский день, в шерстяную шаль крупной вязки. Нам была знакома эта женщина, она обитала на первом, зеленом, этаже дома-петуха, с ней жил пушистый персидский кот, который любил лежать в узкой оконной форточке, затыкая ее всю крупным мохнатым телом, и лениво рассматривал неповоротливых голубей и ярких воробьев, подкармливаемых хозяйкой прямо под окнами.

Пожилая и молодая женщины начали целоваться, обниматься и плакать, как будто не виделись тысячу лет, мужчина нетерпеливо ждал окончания трогательной сцены, а девочка, держась чуть в стороне, внимательно изучала все вокруг, в том числе и нас — двух пареньков, стоящих неподалеку.

— Ребята, поможете нам сумки донести? — вдруг обратилась она к нам так просто, как будто мы были давным-давно знакомы.

— Янка нигде не растеряется, — весело засмеялась молодая женщина, на секунду вырвавшись из объятий пожилой, и умильно посмотрела на девочку.

Мы охотно подхватили дорожные сумки вновь приехавших, и вся процессия двинулась в сторону дома.

Мы как-то очень стремительно сошлись с Яной и первые дни летних каникул провели втроем. Надо сказать, что к этому времени топография нашего мира неимоверно расширилась и охватывала уже не только соседние переулки и примыкающие к ним улицы, но и весь центр Средневожска. Мы водили нашу «иностранку» по всем достопримечательностям города: показали новую высотную гостиницу и Ленинский мемориал, парк Свердлова и бульвар на улице Гончарова, набережную Волги и городской пляж. За несколько дней, проведенных вместе, мы настолько привыкли к этому

общению на троих, что невольно начали воспринимать Яну как неотъемлемую часть своего мира, вроде Димкиного спортивного велосипеда или моего магнитофона «Маяк», которыми мы пользовались на равных как своей общей собственностью.

Яна была общительной и разговорчивой девочкой. В наших путешествиях она непрерывно что-то рассказывала, а мы слушали. Она рассказывала о чудесной стране Эстонии, где люди говорят на совсем другом очень смешном, похожем на птичий языке с неимоверно растянутыми гласными. Иногда мы просили Яну сказать несколько фраз на этом потешном наречии, а потом катались по молодой июньской траве, бешено хохоча и хватаясь за животы. Яна немножко обижалась, но потом успокаивалась и принималась рассказывать дальше: об узких каменных улочках и островерхих башнях старинного города с мелодичным названием Таллин, об удивительных игрушках, продаваемых в таллинских магазинах, — игрушечные человечки, которые там продавались, не только умели ходить и делать простейшие движения, но вели себя совсем как настоящие люди, и у Яны в ее таллинской квартире жило два десятка этих маленьких человечков. Специально для них родители купили кукольный дом из нескольких квартир, и человечки жили в этом доме своими семьями, ходили друг к другу в гости, рисовали, играли на музыкальных инструментах, пели песни, а иногда ссорились и даже дрались, и тогда Яна их разнимала, строго журила и лишала на неделю сладкого. Мы сначала потешались над этими рассказами, но Яна не обижалась и продолжала рассказывать с таким количеством зримых и жизненных подробностей, что постепенно мы невольно стали ей верить (невозможно же все это придумать!).

За неполную неделю нашего тесного общения мы уже ясно представляли себе устройство кукольного дома, помнили, кто из человечков, на каком этаже живет, знали не только их имена, характеры, привычки, симпатии и антипатии, но и манеру одеваться и даже кто чем успел переболеть за время проживания в Яниной квартире.

Но удивительную девочку невозможно было спрятать от нашего окружения — каждый день мы знакомили Яну с новыми друзьями, и вскоре мир, созданный для троих, разрушился, его заполнила шумная и беспечная компания сверстников.

Круг наших знакомств был тогда просто огромен, но в нем выделялись самые верные друзья, которые вместе со мной и Димкой составляли нечто вроде мушкетерского братства. Все кавалеры ордена учились в одной школе, хотя и в разных классах, и жили в центре города, хотя и в разных его концах.

Наш Арамис — Алик Сизов, статный мускулистый парень с нагловатыми глазами и копной густых вьющихся волос, которые он умудрялся, несмотря на строгие школьные порядки, стричь очень редко, обитал в большой сталинской квартире на улице Карла Маркса недалеко от приборостроительного завода. Мы с Димкой с начальной школы любили ходить к Алику в гости, пока его родители были на работе — нас восхищала высота каменного дома, забавлял железно лязгающий лифт за решетчатой дверью, снующий вверх-вниз в прозрачной шахте между лестничными пролетами, в квартире удивляли высота потолков и простор комнат, по которым так классно можно было носиться, стучая друг друга диванными подушками по головам, но больше всего воображение поражал вид с шестого этажа. Придя в гости к Алику, мы первым делом летели на балкон и смотрели сверху на деревья, крыши соседних двух-трехэтажных домов, гуляющих во дворе мамочек с колясками, время от времени заезжающие во двор автомобили живущих в доме «ответработников» (как называл их Алик) — и представляли себя то пилотами самолета, то воздухоплатателями, совершающими кругосветное путешествие на воздушном шаре.

Четвертый мушкетер нашей школьной компании — Аркаша Глейзер — проживал в пятиэтажном кирпичном доме на Гончарова с прозрачным гастрономом во весь первый

этаж. Комплекцией и круглым румяным лицом, если продолжать аналогии с известным романом Дюма, он больше всего напоминал Портоса. Его квартира была размером поменьше и потолками пониже, чем у Алика, но зато там всегда было море каких-то небывалых деликатесов: шоколадных конфет в коробках, копченой колбасы, красной и черной икры, — и мы любили после школы забежать иногда к другу на огонек, чтобы немножечко подкрепиться.

Весной в конце седьмого класса в нашу чисто мужскую компанию как-то очень естественно, как будто там и были, подключились девчонки из нашей параллели — неразлучные подружки Оля, Рита и Наташа. До сих пор помню их очень четко: Оля, маленькая и заводная, в короткой школьной форме, из-под которой торчали ноги-спички; очень рано оформившаяся Рита с гжучими темно-карими, почти черными глазами и густыми темно-каштановыми волосами, сплетенными в тугую толстую косу; большая и полная Наташа — бессменная староста нашего с Димкой класса, добрая и мягкая, как мама, но и такая же строгая. Их дома тоже были разбросаны по центру города, и одним из наших любимых развлечений в то лето стало кочевать по улицам с квартиры на квартиру, собирая по дороге всю нашу банду. Этот ежедневный моцион мы так и называли — «гуляй, банда!».

В сентябре Яна пошла в ту же школу, где все мы учились, и летнее общение продолжилось, несмотря на уроки и грозящие в конце года экзамены: почти каждый день после уроков мы заваливались всей шумной толпой в кино или на танцплощадку в парк Свердлова, просиживали вечера в кафе-мороженом на Гончарова или придумывали еще какие-нибудь развлечения. Город принадлежал нам, и нам казалось тогда, что так будет всегда.

Дни шли за днями, мы выросли, вступили в комсомол, к чему отнеслись, впрочем, с изрядной долей юмора, переходили из класса в класс — но дружба наша от времени только крепла, как хорошее вино в погребах Инкермана. Разумеется, в наших посиделках и похождениях участвовали и другие ребята и девчонки, компания напоминала собой не замкнутую автономную систему жизнеобеспечения, какие бывают на космических кораблях или глубоководных аппаратах, а живой растущий организм: она дышала, вбирала в себя новых людей и новые традиции, но почему-то все три года выходило так, что новые лица появлялись и исчезали, а наша восьмерка сплывалась все теснее.

Особенно интенсивное общение началось зимой в десятом классе. В традицию вошли встречи на городском катке и лыжные вылазки, вечерами собирались друг у друга на квартирах. Для этого использовался любой подходящий повод: дни рождений, отсутствие родителей, приближающиеся контрольные. Чаще всего собирались у Алика, поскольку у того была самая просторная и ближе всех расположенная к школе квартира, к тому же в ней не водилось братьев и сестер, в отличие от других членов компании, за исключением разве что Яны, кроме того, родители Алика допоздна пропадали на работе и по выходным тоже частенько отсутствовали.

Собираясь у Алика, слушали редкие лицензионные диски — «Queen», «Beatles», «Rolling Stones» — на огромном шкафоподобном проигрывателе с двумя гигантскими колонками, пили кофе, капая в него «для запаха» рижский бальзам, играли в разные веселые игры. Например, брали ватманский лист и начинали коллективно наклеивать на него вырезанные по контуру изображения из разных иллюстрированных журналов, соединяя их в неожиданные, часто просто абсурдные сочетания и добавляя позаимствованные из газет заголовки статей. Хохот при этом стоял неимоверный, от смеха болели животы и ломило виски и затылки, но остановиться было невозможно — только смех ненадолго затихал, как кто-нибудь добавлял на лист новое изображение или заголовок — и все начиналось по новой до полного изнеможения.

Частенько собирались и на квартире у Яниной бабушки на первом этаже дома-петуха в нашем переулке. Это было типичное жилье одинокой пожилой женщины, потерявшей на войне своего мужа да так и не вышедшей больше замуж, воспитавшей единственную дочь, которая уехала от нее в далекую Эстонию и решала там свои бесконечные проблемы с непутевым зятем, женщину, весь смысл жизни которой сконцентрировался теперь на любимой внучке да еще на пожилом вальяжном коте, целыми днями сидящем в открытой форточке с невозмутимым видом буддийского монаха. Несколько лет назад, только-только поселившись в переулке, я воспринимал Екатерину Ивановну как старушку, но сейчас с чувством внезапного озарения понял, что ей, скорее всего, в районе шестидесяти, то есть она практически ровесница моего отца, который тоже, как и ее муж, воевал, но в отличие от ее мужа — Яниного дедушки — смог вернуться домой.

Квартирка состояла из тесной прихожей, маленькой кухоньки, просторной гостиной и еще одной крохотной комнатки за гостиной, где обитала теперь Яна. В центре гостиной стоял большой круглый стол, над которым низко свисала лампа под оранжевым абажуром с длинной бахромой. Стены густо покрывали фотографии, на которых были запечатлены родители Екатерины Ивановны и ее покойного мужа, сама Екатерина Ивановна с мужем в день свадьбы в белом платье и фате, пара армейских фотографий Яниного дедушки — все эти снимки висели на почетном месте напротив бабушкиного кресла, и Екатерина Ивановна любила рассматривать их зимними вечерами, когда вязала внучке очередной шарф или просто сидела, вспоминая прошлое и глядя взобравшегося на колени мурчащего, как электрогенератор, кота. Была в экспозиции и свадебная фотография Яниных родителей, но висела она, наоборот, в дальнем темном углу, что явно свидетельствовало о недовольстве Екатерины Ивановны своим зятем. Но больше всего на этой выставке памяти встречалось Яниных фотографий: младенческих, дошкольных, школьных, с видами островерхих башен и средневековых улиц на заднем фоне.

Наша компания принесла молодое веселье в тихий сумрак старинного дома. Дом наполнялся надтреснутыми ломающимися голосами и неудержимым смехом — а смеялись мы по любому поводу. Екатерина Ивановна не мешала молодому веселью. Она угощала всех собравшихся безумно вкусным домашним печеньем и горячим чаем. Ее присутствие было ненавязчивым и незримым, громкие голоса и взрывы смеха не только не раздражали ее, но, казалось, доставляли неизъяснимое удовольствие. Мы чувствовали это, и нам хотелось приходить в гостеприимный дом снова и снова.

Незаметно накатили новогодние праздники. Это был первый Новый год, в который родители отпустили нас на целую ночь из дома. Предки Алика уехали встречать праздник за город с друзьями, оставив в наше полное распоряжение квартиру и холодильник, набитый деликатесами, апельсинами и шампанским. Начали встречать за столом под бой курантов — шумно выстрелили пробкой в потолок, загадали заветные желания, чокнулись, торопясь пили колючую обжигающую влагу, чтобы успеть до того, как смолкнет двенадцатый удар, потом кричали «Ура!», обнимались, поздравляли друг друга с наступившим. Пошли в прихожую одеваться, шумной ватагой двинулись на площадь Ленина к гигантской новогодней елке — главной в городе. Там играла музыка, взрывались петарды, горели бенгальские огни, дети, молодежь и люди вполне солидного возраста катались с высокой ледяной горы, крутились и переворачивались, с радостным смехом сшибали зазевавшихся гуляющих и потом барахтались вместе с ними в снегу, пытались расцепиться и подняться на ноги, помогали друг другу, весело извинялись, отряхивались. На площади открыли вторую бутылку шампанского, и вся компания по очереди глотала ледяной шипящий и пенящийся напиток прямо из горлышка, обливаясь и смеясь.

Разгоряченные и одновременно озябшие вернулись в квартиру, включили «Голубой огонек», танцевали, пацаны бегали курить на кухню, девчонки нас за это ругали и возвращали в комнату, вовлекая в общий круг или растаскивая на пары в медленных танцах. Дождались «Мелодий и ритмов зарубежной эстрады», уже усталые и полусонные слушали «АББА» и «Бони М», пытались еще танцевать и веселиться, но хвост веселья потихоньку прогорал, заменяясь утренней полудремой. В конце концов парни уступили девушкам родительскую спальню, где те умудрились вчетвером разместиться на двуспальной кровати, а сами, выпив еще одну бутылку шампанского, заснули по двое: Алик с Аркашей в кровати Алика, а я с Димкой на разложенном диване в гостиной.

После новогоднего праздника со мной что-то произошло: мне почему-то нестерпимо захотелось остаться с Яной наедине, чтобы рядом не было никого из нашей тусовки. Я всеми силами пытался устроить так, чтобы встретиться с Яной один на один, но это почему-то не получалось: вечно рядом кто-то оказывался — то Димка, то Алик, то кто-нибудь из девчонок. И лишь в самом конце десятого класса, незадолго до выпускных экзаменов моя мечта вдруг осуществилась. Вся компания должна была собраться в нескольких кварталах от нашего переулка — дома у Наташи, которая отмечала свой восемнадцатый (она была постарше нас на год) день рождения. Нам с Яной было поручено ответственное задание: принести торт, который испекла Екатерина Ивановна, и наш общий подарок — рукописный журнал, который мы делали для Наташи все вместе, собираясь тайком от нее на Яниной квартире.

Мы с Яной шли к трамвайной остановке только вдвоем, и эта необычная комбинация пробуждала во мне новые, неизвестные прежде чувства и переживания. Действительно, за последнее время во мне так много изменилось, что я воспринимал теперь себя как вполне взрослого человека. С того пасмурного октябрьского дня, когда моя семья перебралась в Средневожск, прошло уже немало лет, но здесь в переулках все было по-прежнему: все те же сирени, акации и тополя, все те же знакомые до мельчайших подробностей дома, все тот же захватывающий вид на Волгу. Только чуть ближе подобралась к потрескавшемуся асфальту кромка волжского обрыва, только чуть ниже наклонился шпиль на крыше нашего дома, когда-то, чуть ли не в первый год нашего пребывания в нем, накрененный порывом ветра. Совсем сломались качели и покосилась горка на детской площадке, и их почему-то никто не чинил. Может быть, потому, что обрыв подкрался уже совсем близко, и пребывание детей на площадке становилось опасным.

Мы шли по краю нашего любимого волжского обрыва, и я вслушивался в незнакомое чувство, которое рождалось где-то внутри. Раньше я почти не замечал, какая Яна красивая, какие у нее пушистые волосы, какие лучистые глаза, какой волнующий голос, играющий на потаенных струнах моей души, словно Боб Дилан на своей непостижимой гитаре. Хотелось идти и идти рядом с ней, только чтобы слушать ее, смотреть в ее глаза, иногда как бы ненароком касаться руки — и прекрасней этого ничего не было на свете!

Тот май выдался теплый и дождливый. В переулке умопомрачительно пахло сиренью, обильно политой прошедшим недавно ливнем. По до блеска промытому высокому бескрайнему небу носились обрывки ушедшей за горизонт грозовой тучи, они то закрывали, то вновь открывали веселое майское солнце, начинавшее потихоньку склоняться к западу, и от этого насквозь пропитанный весенней влагой город то загорался оранжевым светом, то погружался в сиреневую тень. В лужах отражались дома, деревья, птицы, облака. Было весело обходить эти неглубокие лужи, чтобы не провалиться в голубую бездну, отраженную в них.

Я нес в одной руке большой тяжелый торт в самодельном шатре из оберточной бумаги, а в другой заботливо навязанный Екатериной Ивановной длинный черный зонт. На Яне был короткий прямой сарафанчик песочного цвета с большими пуговицами, надетый поверх бордовой водолазки, на ногах — в тон водолазке такого же цвета гамаша. В этом наряде Яна смотрелась на редкость стильно и «по-европейски». Она обеими руками прижимала к груди тщательно упакованный в красочную обертку подарочный журнал.

Можно было проехать пять остановок на трамвае, но решили пойти пешком — не хотелось появиться на вечеринке раньше всех, поскольку в наших руках был главный сюрприз сегодняшнего вечера, а значит, нас будут с нетерпением ждать и страшно радоваться при встрече. Кто же откажется от минуты славы?

Мы шли сначала по Пролетарской, тянувшейся вдоль волжского обрыва, потом двинулись по Венцу — бульвару со скверами и фонтанами, раскинувшемуся на самой высокой точке волжского берега, спустились по изогнутой, как коленный вал, улице Кузнецова, углубились в тень вековых тополей на Карла Либкнехта и, наконец, пройдя дворами, вышли к девятиэтажному дому, в котором жила Наташа.

Всю дорогу я боролся с собой, чтобы не смотреть на Яну безотрывно, насильно заставляя себя отвлечься на Волгу, на сахарно-белые кубы Ленинского мемориала, на гигантские бетонные соты педагогического института, на шпиль краеведческого музея, на прохожих, спешащих по своим делам, воробьев, купающихся в лужах, но на что бы я ни смотрел, взгляд сам собой перескакивал на Яну — на ее зеленые глаза, развевающиеся по ветру волосы, мягкие, чуть приоткрытые губы.

Пока шли, несколько раз припускал дождик, и приходилось раскрывать громоздкий бабушкин зонт (спасибо Екатерине Ивановне!), при этом Яна брала меня под руку и прижималась всем телом, чтобы не замочить драгоценный журнал. За эти минуты близости я не задумываясь отдал бы все на свете, но дождь быстро переставал, и приходилось складывать зонт, а Яна тут же отстранялась и шла рядом с независимым видом, как будто только что не прижималась ко мне, как озябший котенок.

Солнце все дальше катилось на запад, приближаясь понемногу к крышам высотных домов, тени становились все длиннее, в небесах по-прежнему продолжалось таинственное волнение — там, ежесекундно меняя очертания, клубились тучи и облака, подсвечиваемые уходящим светилом, — и вдруг, когда солнце спряталось за очередную тучку, весь город засветился каким-то невыразимым сказочным светом, источника которого не было видно. Светилось все: небо, облака, крыши и стены домов, лужи под ногами, проносящиеся мимо автобусы и автомобили, светились Янино лицо и волосы, вокруг всего ее тела образовалось голубое мерцающее сияние, какого я никогда в жизни не видел.

— Яна, это мне кажется, или действительно все вокруг светится каким-то странным неземным светом? — спросил я.

Яна удивленно оглянулась по сторонам:

— Это солнце просвечивает сквозь облака. Но действительно — очень красиво!

Тем временем мы оказались во дворе Наташиного дома, и с балкона седьмого этажа нам уже махали друзья.

Вошли в подъезд и вызвали лифт. Как будто только этого и ожидая, лифт моментально распахнул перед нами свои автоматические двери. Дно мягко просело под тяжестью двух пассажиров, Яна нажала кнопку с цифрой семь — и лифт натужно тронулся в путь наверх. В нем что-то гудело, щелкало, тускло горела лампочка, освещающая тесную, отделанную пластиковыми панелями под дерево кабину, и вдруг все пропало: лампочка, панели, щиток с кнопками — нас окружила непроглядная темнота и тишина.

— Кажется, приехали, — весело отреагировала на происшествии Яна, — я еще никогда не застревала в лифтах.

— Я тоже, — согласился я.

— Слава, у тебя есть спички?

— Есть.

— Ах ты, курилка картонная! А впрочем — это тот случай, когда лучше быть курящим.

Я чиркнул спичкой о коробок, и робкий огонек на несколько секунд выхватил из темноты наши лица — казалось, они живут отдельно от тел и висят в темноте. Стали видны панель управления и красная кнопка с колокольчиком — кнопка вызова диспетчера. Через пару минут непонятного шуршания и потрескивания из динамика слышался скрипучий голос дежурной:

— Слушаю вас.

— Мы застряли, — в один голос взмолились мы.

— Понятно, что застряли, и не вы одни — свет во всем районе забрали, — спокойно отвечив скрипучий голос, — назовите дом и подъезд, ждите мастера или включения света.

С этими словами голос отключился.

— Вот обрадовала! — притворно возмутилась Яна, хотя я чувствовал, что она, собственно, как и я, в душе страшно рада происшествию: мы впервые оказались наедине, да еще в таких романтических обстоятельствах, и это с лихвой искупало все неудобства нашего невольного заточения.

— Что будем делать? — каким-то странным изменившимся голосом спросила девочка.

— Ждать помощи, что нам еще остается? — как можно спокойнее ответил я, ведь я чувствовал себя ответственным за поддержание порядка и спокойствия, может быть впервые в жизни ощутив себя настоящим мужчиной.

— Это понятно! Я имею в виду... Впрочем, неважно.

Я отставил в угол лифта мешающую поклажу и протянул руки в темноту, где, по ощущениям, должна была находиться моя спутница. Поразительно, но в полной темноте наши руки мгновенно нашли друг друга. Ее ладони были холодны, или это мои были такими горячими? Захотелось нащупать губами Янино лицо, и — о чудо! — в ту же секунду я ощутил на губах теплую гладкую кожу ее лба, затем мягкие бугорки прикрытых глаз — ресницы чуть подрагивали, и я ощущал их колкий пугливый трепет, а затем случилось нечто невообразимое: мои губы попали в сладкую влажную ловушку — я даже не сразу понял, что это Янины губы, зубы, язык — я провалился в этот сладкий омут весь целиком и понял, что после этого поцелуя моя жизнь никогда уже не станет прежней.

— Чем это вы там занимаетесь? — слышался знакомый голос с лестничной клетки — это была Наташа. Одновременно с Наташиным вопросом загомонили друзья, которые, видимо, отправились вместе с ней из квартиры на поиски пропавших. Друзья хохмили и зубоскалили, выдвигая самые фантастические версии того, чем бы могли заняться пленники лифта в полной темноте. Несмотря на неясные перспективы спасения из лифтовой западни, нас с Яной охватило вдруг ощущение небывалого, никогда не испытанного прежде восторга: мы были молоды, влюблены, с нами происходило захватывающее приключение, а с другой стороны лифтовой шахты нас ждали и волновались о нас, скрывая свое волнение за скабрёзными шуточками, наши лучшие друзья. Что еще надо для счастья?

А потом мы сидели в Наташиной квартире за праздничным столом и взахлеб обсуждали происшествие. Каждый наперебой стремился поведать всем остальным, что

он почувствовал и что пережил, когда взяли свет, кому пришла в голову мысль идти выручать друзей, как они ходили по полутемным лестничным пролетам, пытаясь определить, между какими этажами застрял лифт, как услышали какое-то шуршание в лифтовой шахте и что при этом подумали, как пытались поднять дух попавшим в беду друзьям, как обрадовались, когда наконец дали свет и створки лифта победно распахнулись, выпуская на волю «узников без совести» (так окрестил нас с Яной острый на язык Аркаша).

Мы с Яной охотно поддерживали общее веселье, тоже хохмили и смеялись, выдумывали небылицы о нашем пребывании в заточении лифта, но о самом главном мы не говорили, теперь у нас появилась общая тайна, слишком личная и пока еще очень ранимая, чтобы делиться ею с друзьями.

Был вечер пятницы. Родители Наташи уступили просьбам дочери и позволили ей встретить свое совершеннолетие в чисто молодежной компании. Сами они ушли вместе с младшим братом в театр, отложив семейно-родственный праздник на завтра. Угощение было самым простым. Кроме Яниного торта, Наташа наделала своих фирменных горячих бутербродов с сыром и докторской колбасой. К спиртному Наташа относилась с большим подозрением, невольно чувствуя по праву старшей ответственность за своих несовершеннолетних одноклассников, особенно за пацанов. Алик с Аркашей тем не менее проявили инициативу, захватив с собой парочку бутылок рислинга.

Рислинг оказался кстати. Вот уже солнце скрылось за Волгой, полыхнув напоследок охристо-рдяным закатом. Небосклон медленно догорал в окне, становясь из пурпурного лиловым, из лилового зеленовато-серым, на фоне догорающей зари вспыхнула голубым фонариком Венера. Мы погасили в квартире свет и зажгли свечи. Прохладный майский сумрак наполнил комнату. Дрожащее пламя свечей отражалось в бокалах с золотистым вином и в глазах одноклассников. Из динамиков лилась тихая мелодия группы «Smokie» — «I'll Meet You at Midnight».

Я сидел в глубоком кресле в углу комнаты, и оттуда мне хорошо были видны все члены компании. Наташа увлеченно рассматривала подаренный ей журнал, а Алик с Аркадием стояли у нее за спиной и комментировали тексты и коллажи. Маленькая подвижная Оля, больше напоминавшая семиклассницу, о чем-то оживленно беседовала с Димой. Рита с Яной секретничали в противоположном углу, вдвоем втиснувшись в кресло. О как бы я хотел оказаться сейчас на месте Риты! Яна участвовала в разговоре с подругой, но глаза ее то и дело устремлялись в мою сторону, и я с жадностью ловил эти взгляды, видя в них то, чего никто больше не мог заметить — самую первую и самую чистую любовь девушки.

Лица друзей были давно и хорошо мне знакомы, но в таинственном свечном полумраке они казались какими-то другими, как будто игра света и тени добавила им лет и высветила нечто сокровенное, не явленное пока в этих юных существах, но подспудно сокрытое в них.

— Интересно, какими мы станем лет через десять? — пришла в голову философская мысль. Лица друзей повернулись ко мне, и я понял, что невольно проговорил свою мысль вслух. В комнате повисла тишина.

— Да, ребята, — подхватила мое философическое настроение посерьезневшая в один момент Наташа, — вы задумывались о том, что нам осталось быть вместе всего какой-то месяц, а потом мы разлетимся кто куда?

— Ой, и правда! — вклинилась в разговор романтическая Оля. — Давайте поклянемся, что никогда не покинем друг друга, что будем дружить, куда бы ни раскидала нас жизнь!

— А что, это вполне реально, — поддержала подругу смешливая черноволосая Рита, — пусть у нас все будет так же, как у наших с Аликом и Аркашей родителей!

Все в нашей компании давно знали легендарную историю родителей Риты, Алика и Аркаши, но Рита пересказала ее, ко всеобщему удовольствию, еще раз. Их родители передружились между собой еще в одиннадцатом классе, когда мужскую и женскую школы слили в единую трудовую политехническую, и мальчики с девочками впервые оказались в общем пространстве. После выпуска все шестеро поразъехались в разные города, а когда окончили институты, снова собрались в одну компанию, и компания получилась на редкость результативной: из нее вышли три прекрасные семейные пары, у которых даже старшие дети родились в один год. Родители Алика, Аркаши и Риты дружили до сих пор, вместе отмечали праздники, отдыхали и постоянно созванивались друг с другом по бытовым и рабочим проблемам.

Пока Рита рассказывала о родителях, наши с Яной глаза снова встретились, и я молча через пространство комнаты задал ей вопрос: «Ты бы хотела, чтобы с нами случилась такая же история?» — и прочитал ответ в ее широко распахнутых глазах: «Конечно!»

— Предлагаю за это выпить, — подвел итог Ритиному выступлению Алик, он поднял бокал и призвал всех последовать своему примеру, — берем бокалы за ножки и, чокаясь, смотрим друг другу в глаза! Думаем только о том, чтобы никогда не расставаться, и пьем обязательно до дна! Если у кого-то на дне останется хоть капелька — тост не сработает! Итак, раз, два, три!!!

Бокалы встретились в одной точке с мелодичным хрустальным звоном, потом рассыпались, и на миг, пока все пили, в комнате вновь наступила тишина, даже магнитофон замолчал, потому что кассета закончилась, и мне почудилось в эту минуту, что вместе с кассетой закончилось наше детство.

Недавно я снова побывал в нашем переулке.

Почему нас так тянет к местам, где мы были маленькими? Особенно под старость? Может быть, потому, что детство и юность — пора надежд и мечтаний, когда все еще впереди и будущая жизнь рисуется в расплывчатых, но при этом ярких и насыщенных образах. Ребенок живет как бы впереди себя: он берет свое «идеальное Я» и запускает его далеко в будущее, как австралийский абориген запускает бумеранг. Бумеранг летит долго, много-много лет, но рано или поздно он возвращается, и состарившийся ребенок с удивлением рассматривает гостя из своего собственного прошлого и сравнивает идеальный образ себя будущего, каким он виделся в детстве, с собой реальным, каким он стал на самом деле. Горькое сравнение. Оттого так больно в груди, оттого так тянет сердце, и хочется сделать полный вдох всей грудью, но вдох натывается на какое-то непреодолимое препятствие внутри и замирает, незавершенный.

А еще горько оттого, что образы детства, хранимые скаредной памятью в самых сокровенных тайниках и иногда выдаваемые по капельке в счастливых предутренних снах, совершенно не совпадают с тем, что открывается взгляду в действительности.

Я оказался в странной, раздвоенной реальности. Смотрю вокруг — и не узнаю нашего переулка. Можно сказать, его больше нет. Силуэты милых моему сердцу деревянных домиков — дома-петуха на углу, родительского дома с беседкой на крыше, дома с ажурной витражной башенкой — стоят, как живые, только в моем воображении, а на их местах расположились совсем другие дома — кирпичные безликие особняки за стальными заборами с крутыми иномарками возле подъездов. В просвете между особняками по-прежнему видна бескрайняя волжская гладь, но она подозрительно пустынная, как будто это совсем другая река, а не та Волга-труженица, которая несла на себе баржи, пароходы, плоты, рыбацкие катера, и мы с пацанами сбивались со счета, пытались пересчитать все суда, проходящие под обрывом.

Да и где все эти пацаны? Где вообще дети? Та часть обрыва, где когда-то была наша детская площадка с деревянной горкой, напоминавшей капитанский мостик на корабле, давно рухнула в бездну. Как и весь наш блистающий мир.

Стоя на самом краю волжского обрыва, я вижу себя сегодняшнего глазами семнадцатилетнего мальчишки, уверенного, что впереди его ждет счастливая и интересная жизнь, которая никогда не закончится. Куда делся тот мальчишка? Неужели он до сих пор живет во мне? Но тогда как он допустил, чтобы я стал вот таким хмурым, уставшим от жизни старикашкой?

Я прохожу переулок насквозь и дохожу до того самого места, где когда-то стоял дом-петух. На его месте высится помпезный трехэтажный особняк с подземным гаражом и камерами слежения на всех углах. Во дворе на качелях сидит девушка с айфоном в руках. Ее светлые пушистые волосы вдруг пробуждают во мне воспоминание о Яне. Наш долго разгоравшийся и так стремительно вспыхнувший на излете детства роман не имел столь же яркого продолжения. Можно сказать, что та наша прогулка по городу, когда все светилось каким-то нездешним светом, и тот незабываемый поцелуй в лифте оказались самой высшей точкой наших отношений.

Жизнь развела нас, разлучила. После экзаменов мы разъехались в разные вузы и даже разные города. Переписывались, ездили друг к другу, знакомились с новыми друзьями, но чем дальше шла жизнь, тем реже становились встречи. У меня появилась девушка, у Яны — молодой человек. Мы нормально отнеслись к этим изменениям. Вспоминали историю родителей Риты, Аркаши и Алика: «Помнишь, те тоже чуть все не переженились на своих однокурсниках, но потом вернулись в родной город и поняли, что напрасно искали кого-то на стороне». Но мы не вернулись в родной город, и все-таки женились/вышли замуж за своих однокурсников/однокурсниц. Потом развелись и снова женились/вышли замуж, но опять на/за других. В нашей компании истории наших родителей не повторились. Разве что маленькая Оля года через два после школы вышла замуж за Димку, но и они развелись и живут теперь с новыми семьями, и у Димки очень сложные отношения со своим сыном от Оли. Почти никаких.

Лет пять назад я встретил Яну случайно в торговом центре. Мы почти уже прошли мимо друг друга, и лишь в последний момент между нами выскочил призрак прошлого — умытый ливнем майский день на краю волжского обрыва, ультрамариновое свечение сквозь разрывы убегающих туч, крошечная темнота лифта, наши юные лица, в неверном свете спички как бы подвешенные в воздухе. Яна хорошо сохранилась для своих лет. Конечно, раздалась в бедрах и груди, разумеется, одрябли шея и веки, безусловно, покорежились и покрылись сеткой морщин кисти рук, но модная одежда с иголочки, процедуры и макияж на лице, краска на волосах, безукоризненные ногти — все это делало ее лет на десять моложе, и потом, как только я узнал ее, сквозь эту обветшавшую оболочку тут же проступила девочка-фантазерша, заливавшая нам с Димкой про игрушечных человечков.

Мы расположились в темной уютной кафешке, и здесь погружение в прошлое стало еще реальнее. Мы вспоминали наш переулок, нашу школу, друзей и подруг, Новый год в десятом классе, Наташин день рождения, заточение в лифте, первый поцелуй. На душе стало хорошо и счастливо, как будто не было сорока лет последующей жизни, жен и мужей, любовников и любовниц, детей и внуков. Темнота кафе и превосходный коньяк сделали свое дело: нам было снова по семнадцать, и мы снова чувствовали друг к другу то же самое, что в тот навсегда сгинувший в культурных слоях прошлого майский день.

Мы сидели до закрытия, и нам совсем не хотелось расставаться. Но все хорошее рано или поздно кончается. Кончился и этот наш вечер. Последний вечер нашей странной любви.

— Ты знаешь, — сказала Яна, когда мы вышли на улицу и ждали каждый свое такси, — это даже хорошо, что мы тогда не поженились.

— Почему?

— Потому что наш брак навсегда убил бы тех мальчика и девочку, которые живут в нас до сих пор. Они бы умерли, а мы бы этого даже не заметили.

Я посмотрел на пожилую, побитую жизнью женщину, стоящую рядом. В ее внешнем облике не было почти ничего от той длинноногой белобрысой девочки, с которой мы жили когда-то в соседних домах, — и все-таки это была она, и я был для нее все тем же влюбленным мальчишкой, простодушно верящим в фантастические истории о кукольном доме.

— А ты совсем не изменилась, — искренне сказал я вопреки очевидному.

— Мы оба не изменились, — поправила меня Яна, — только время изменилось до неузнаваемости.

Подъехало такси и увезло Яну в неведомую мне жизнь, где у нее были третий муж, взрослые дети, маленькие внуки. Мы даже не обменялись телефонами. Зачем? Наши внутренние мальчик и девочка навсегда остались жить там, над волжским обрывом, и им нечего делать в московских спальнях районах.